

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

ЛЕДЯНОЙ УКУС

ПОЦЕЛУЙ ТЬМЫ

КРОВАВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

ОКОВЫ ДЛЯ ПРИЗРАКА

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

ОДИН

Не люблю клетки.

Даже в зоопарк ходить не люблю. В первый раз, когда я оказалась там, у меня чуть клаустрофобия не развилась при виде всех этих несчастных животных. Просто в голове не укладывается — как любое создание может жить в таких условиях? Иногда я даже сочувствую преступникам, обреченным на жизнь в камере. И уж конечно, никогда не думала, что мне придется самой проводить жизнь в тюрьме.

Впрочем, в последнее время со мной случалось многое, чего я никак не ожидала, и вот теперь мне довелось оказаться здесь, под замком.

— Эй! — закричала я, вцепившись в стальные прутья, которые отделяли меня от остального мира. — Долго мне еще тут сидеть? Когда будет судебное разбирательство? Я не могу целую вечность проторчать в этой темнице!

Ладно, это была не темница в общепринятом смысле: темное помещение, ржавые цепи и все такое прочее. Я находилась в маленькой камере с чистыми стенами, чистым полом и... ну, чистым всем. Ни единого пятнышка. Стерильность. Холод. И это действовало более угнетающе, чем самый затхлый каземат, который только можно вообразить. Путья, в которые я вцепилась, на ощупь были холодные, твердые и проч-

ные. От резкого флуоресцентного света металл вокруг мерцал, раздражая глаза. Я видела человека, неподвижно стоящего сбоку от входа в камеру, и знала, что в коридоре находятся, скорее всего, еще четыре охранника. И я понимала, что никто из них не собирается отвечать, но это не мешало мне на протяжении двух последних дней снова и снова задавать свои вопросы.

В ответ — обычная тишина. Я вздохнула и плюхнулась на койку в углу камеры, твердую и бесцветную — как и все остальное в моем новом доме. Да, я и впрямь начинала мечтать о настоящей темнице. По крайней мере, там можно было бы наблюдать за крысами и пауками. Я перевела взгляд вверх и вновь мгновенно испытала дезориентирующее ощущение, что стены и потолок со всех сторон надвигаются на меня, все ближе и ближе, выжимая из легких воздух, лишая возможности дышать...

Я резко выпрямилась, хватая ртом воздух.

«Не гляди на стены и потолок, Роза», — выбрала я себя.

Перевела взгляд на свои сцепленные руки и в который раз попыталась разобраться, как меня угораздило попасть в такую беду.

Очевидный ответ напрашивался сам собой: меня ложно обвинили в преступлении, которого я не совершала. И это было не какое-нибудь мелкое мошенничество, а убийство. Какая наглость — обвинить меня в самом серьезном преступлении, которое может совершить вампир или морой. Правда, нельзя сказать, что я не убивала прежде. Убивала, и не раз. Также на моей совести немало нарушений правил и даже законов. Однако хладнокровное убийство... Нет, это не в моем духе. В особенности убийство королевы.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Правда, королеву Татьяну к числу моих друзей никак не отнесешь. Она была холодной, расчетливой правительницей мороев — расы живых, использующих магию вампиров, которые не убивают свои жертвы ради крови. По множеству причин у нас с Татьяной отношения не заладились. Во-первых, я встречалась с Адрианом, ее внучатым племянником. Во-вторых, я не одобряла ее политику в отношении стригоев — злобных не-мертвых вампиров, преследующих всех нас. Татьяна много раз водила меня за нос, но я не желала ей смерти. А вот кто-то, видимо, желал и оставил на месте преступления улики, указывающие прямо на меня. Худшей из них были мои отпечатки пальцев, покрывающие серебряный кол, которым убили Татьяну. Конечно, это был мой собственный кол, и, естественно, на нем были мои отпечатки пальцев. Никто, казалось, не принимал это в расчет.

Я снова вздохнула и вытащила из кармана маленький смятый листок бумаги. Мое единственное чтение здесь. Впрочем, в прямом смысле читать слова необходимости не было, и я просто сжала листок в руке. Я давным-давно выучила наизусть все, что там написано. Записка породила у меня множество вопросов, и один из них: что я знала о Татьяне?

Огорченная той обстановкой, в которой оказалась, я «сбежала» из нее в сознание своей лучшей подруги, Лиссы. Лисса — моройка, и между нами существует особая внутренняя связь, позволяющая мне вторгаться в ее разум и видеть мир ее глазами. Каждый морой специализируется в одном из видов магии, может подчинять себе одну из четырех стихий — землю, воду, воздух или огонь. Лиссе подвластна стихия духа — она связана с психическими силами и исцелением, и владение ею почти не встречается в среде мороев, кото-

рым чаще всего подчиняются физические стихии. Мы только-только начали постигать возможности стихии духа — совершенно невероятные, как выяснилось. Несколько лет назад я погибла во время автомобильной аварии, но именно с помощью стихии духа Лисса вернула меня к жизни, что и породило нашу связь.

Оказавшись в ее сознании, я как бы вырывалась на свободу из своей клетки, но это мало помогало решению моих проблем. Со времени слушания, где были представлены указывающие на меня улики, Лисса не покладая рук изыскивала способы доказать мою невиновность. То, что убийство совершили моим колом, это лишь начало. Мои оппоненты поторопились напомнить всем о моей враждебности по отношению к королеве и, выясняя, где я находилась во время убийства, нашли свидетеля, фактически оставившего меня без алиби. Совет решил: улик достаточно, чтобы подвергнуть меня полноценному судебному разбирательству, где мне и предстояло выслушать приговор.

Лисса отчаянно старалась привлечь внимание людей к моей судьбе, убедить их в том, что меня оклеветали. Ей, однако, было нелегко найти слушателей, поскольку весь моройский королевский двор оказался поглощен подготовкой к похоронам Татьяны. Смерть монарха — большое событие. Чтобы стать свидетелями впечатляющего зрелища, со всего мира съезжались морои и дампиры — наполовину вампиры вроде меня. Угощение, цветы, убранство, даже музыканты... масса забот. Даже если бы Татьяна выходила замуж, вряд ли это повлекло бы за собой такие хлопоты. Конечно, всем было не до меня. Большинство людей считало, что, раз я сижу под замком и больше никого убить не могу, справедливость восторжествовала. Убийца Татьяны найдена. Дело закрыто.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Не успела я оглядеться по сторонам глазами Лиссы, как суматоха в тюрьме выдернула меня обратно. Кто-то разговаривал с охранниками, прося разрешения увидеться со мной. Первый посетитель за несколько дней. Сердце заколотилось, я бросилась к решетке, надеясь наконец услышать от пришедшего, что все это ужасная ошибка.

Однако мой гость оказался не совсем тем, кого я ожидала.

— Старик... — тоскливо протянула я. — Что ты здесь делаешь?

Передо мной стоял Эйб Мазур. Как обычно, он выглядел каким-то чудом в перьях. Была середина лета — жаркого и влажного, как и положено в сельской части Пенсильвании, — что не помешало ему облачиться в костюм. Прекрасно сшитый, но дополненный алым шелковым галстуком и шарфом того же цвета... это уже явно перебор. Золотые драгоценности выделялись на фоне смуглой кожи, и, похоже, он совсем недавно постриг короткую черную бородку. Эйб — морой и, хотя он не из королевской семьи, влиянием обладает немалым.

И еще по воле случая он мой отец.

— Я твой адвокат, — жизнерадостно заявил он. — Прибыл, чтобы оказать тебе юридическую помощь.

— Ты не адвокат, — напомнила я ему. — И твои последние советы не очень-то мне помогли.

Говорить такое было низко с моей стороны. Эйб, хотя и не получил официального образования, защищал меня во время предварительного слушания. Очевидно, не слишком успешно, поскольку я оказалась за решеткой в ожидании судебного разбирательства. Но, проторчав тут несколько дней в полной изоляции, я поняла, что кое в чем он был прав. Ни один адвокат,

как бы хорош он ни был, не мог спасти меня во время этого слушания. Следовало отдать Эйбу должное — он проявил мужество и взялся за заведомо проигрышное дело, хотя я и не понимала почему, памятуя о наших поверхностных отношениях. Все, что мне приходило в голову, — он не доверял никому из королевских мороев и, как отец, чувствовал себя обязанным помочь мне. Именно в таком порядке.

— Я выступил безусловно, — возразил он, — а вот твоя речь, в которой ты употребила слова «если бы я была убийцей», сработала не в нашу пользу. Внедрить этот образ в сознание судьи — не самое умное, что ты могла сделать.

Проигнорировав колкое замечание, я скрестила на груди руки.

— Так почему ты здесь? Знаю, это не просто отцовский визит. Ты никогда ничего не делаешь просто так.

— Конечно. Зачем делать что-то просто так?

— Только вот не надо демонстрировать мне свою знаменитую логику.

Он подмигнул мне.

— Не нужно завидовать. Если будешь очень стараться и призовешь на помощь мозги, то в конце концов унаследуешь мою блестящую логику.

— Эйб, завязывай с этим.

— Прекрасно, прекрасно. Я пришел рассказать, что заседание суда по твоему делу может быть перенесено на более ранний срок.

— Ч-что? Это же потрясающая новость!

По крайней мере, так я думала, однако выражение лица Эйба свидетельствовало об обратном. Согласно моим последним сведениям, ждать суда мне предстояло не один месяц. Одна мысль об этом — и о необходи-

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

мости так долго оставаться в камере — вызывала у меня приступ клаустрофобии.

— Роза, пойми — судебное разбирательство будет практически идентично предварительному слушанию. Те же доказательства и вердикт: «Виновна».

— Да, но неужели мы ничего не можем предпринять? Найти доказательства моей невиновности? — Внезапно меня осенило, какая проблема может возникнуть. — Когда ты сказал «произойдет раньше», какой срок ты имел в виду?

— В идеале они хотели бы покончить с этим сразу после коронации нового монарха. Сделать суд частью посвященных коронации торжеств.

Он говорил беспечным тоном, но, столкнувшись с его мрачным взглядом, я уловила смысл. В голове замелькали числа.

— На похороны уйдет неделя, избрание сразу после этого... Ты хочешь сказать, что я могу оказаться в суде и буду осуждена... мм... практически через две недели?

Эйб кивнул.

Сердце бешено заколотилось в груди, я снова метнулась к решетке.

— Две недели? Ты это серьезно?

Когда он сказал, что судебное заседание передвинут, я подумала, что осталось еще около месяца. Хватит времени, чтобы найти новые доказательства. Как я собиралась это сделать? Непонятно. А теперь получалось, что время стремительно убывает. Две недели — этого недостаточно, в особенности с учетом бурной деятельности двора. Несколько мгновений назад я возмущалась тем, что мне предстоит сидеть тут так долго. Теперь времени оставалось слишком мало, и ответ на

мой следующий вопрос мог только расстроить меня еще больше.

— Сколько? — спросила я, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе. — Сколько времени проходит между вынесением вердикта и... исполнением приговора?

Я пока не осознавала в полном объеме, что именно унаследовала от Эйба, но одна черта, несомненно, была у нас общая: «дар» приносить скверные новости.

— Это происходит практически сразу.

— Сразу. — Я попятилась, чуть не села на постель, но потом почувствовала новый прилив адреналина. — Сразу? Значит, через две недели я могу быть... мертва.

Потому что именно это угрожало мне, когда стало ясно, что кто-то сумел подтасовать доказательства и подставить меня. Людей, которые убивают королей, не сажают в тюрьму. Их казнят. Очень немногие преступления в среде мороев и дампиров караются так сурово. Стремясь продемонстрировать свое превосходство над кровожадными стригоями, мы стараемся осуществлять правосудие цивилизованными методами. И все же некоторые преступления в глазах закона заслуживают смерти. И некоторые люди тоже заслуживают ее — такие, скажем, как предатели и убийцы. Когда шок от осознания ближайшего будущего в полной мере обрушился на меня, я почувствовала, что дрожу и слезы угрожающе близко подступают к глазам.

— Это несправедливо! Это несправедливо, и ты понимаешь это!

— Что я думаю, никакого значения не имеет, — спокойно ответил он. — Я просто сообщаю тебе факты.

— Две недели, — повторила я. — Что можно сделать за две недели? В смысле, у тебя ведь уже есть какая-то идея? Или... или... ты можешь найти что-нибудь к тому времени?

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Я говорила отчаянно, сбивчиво, почти истерично. Ну, собственно, так я себя и чувствовала.

— Сделать многое будет довольно трудно, — ответил Эйб. — Двор слишком занят похоронами и выборами. Обычный порядок нарушен — это и хорошо, и плохо.

Об этих приготовлениях я узнавала через Лиссу. И, да, надвигался хаос. Найти какую-нибудь улику в такой неразберихе не просто трудно — невозможно.

«Две недели. Две недели, и, возможно, я буду мертва».

— Это невыносимо, — ломким голосом сказала я. — Я никогда не собиралась умирать... так.

— Неужели? — Он дугой выгнул бровь. — Ты знаешь, как, предположительно, умрешь?

— В бою. — Одна слеза сумела скатиться, и я торопливо вытерла ее. Я всегда представляла это себе только так и не хотела, чтобы этот образ разлетелся вдребезги, в особенности сейчас. — В сражении. Защищая тех, кого люблю. Заранее запланированная казнь... Нет, это не для меня!

— Это тоже сражение, в некотором роде, — задумчиво сказал он. — Просто не в физическом смысле. Две недели — по-прежнему две недели. Это плохо? Да. Но лучше, чем одна неделя. Нет ничего невозможного. Может, всплывет новая улика. Ты должна просто ждать и смотреть.

— Ненавижу ждать. Эта камера... Она такая маленькая. Я не могу дышать. Она убьет меня прежде, чем это сделает палач.

— Сильно сомневаюсь. — В лице Эйба не было ни тени сочувствия. Суровая любовь. — Ты, которая бесстрашно сражалась с целыми шайками стригоев, пауешь перед маленькой комнатой?

— Дело не только в этом! Теперь я должна торчать в этой дыре, понимая, что время моей смерти приближается и почти нет способа предотвратить ее.

— Иногда самую серьезную проверку нашей силы создают ситуации, которые на первый взгляд не кажутся опасными. Иногда просто выживание — самая трудная вещь на свете.

— Ох, нет, нет! — Я принялась расхаживать, описывая маленькие круги. — Только не надо этого высокопарного дерьма! Ты прямо как Дмитрий — когда он давал мне свои глубокомысленные жизненные уроки.

— Он выдержал, оказавшись точно в такой же ситуации. И многое другое выдержал.

Дмитрий.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. До всей этой истории с убийством Дмитрий представлял собой самую большую проблему в моей жизни. Год назад — хотя, казалось, с тех пор прошла вечность — он был моим инструктором в средней школе, под его руководством мне суждено было стать дампиром-стражем, которому предстоит защищать моря. Он преуспел в этом — и во многом другом. Мы полюбили друг друга. Это была вещь недозволенная, мы боролись с собой сколько могли, но в итоге даже разработали план, как нам быть вместе. Все надежды рухнули, когда его насильственно обратили в стригоя. Для меня это стало непередаваемым кошмаром. Потом, в результате чуда, в возможность которого никто не верил, Лисса с помощью магии духа снова трансформировала его в дампира. Однако, как выяснилось, это вовсе не означало, что все снова станет в точности так же, как было до нападения стригоев.

Я сердито посмотрела на Эйба.